

КЛАД

12+

Дмитрий Потехин

Дмитрий Владимирович Потехин

Клад

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51265831

SelfPub; 2021

Аннотация

Под новый год живущий в глухом уральском поселке мальчишка Глеб знакомится с семьёю воплотившимися смертными грехами, сторожащими таинственный клад.

Дмитрий Потехин

Клад

Константин Алексеевич высморкался в засохший носовой платок, кашлянул в него же и сурово уставился на Глеба своими круглыми пыльными стеклами:

– Ну?

– Привести к общему знаменателю, – хмуро вымолвил Глеб, ни то утверждая, ни то вопрошая.

– Так приводи!

Глеб коснулся мелом доски, замешкался. В голове роились смутные воспоминания.

– Что, все? Опять авария в мозгу? – зло каркнул учитель.

– Тут умножаем...

– На сколько?

– М-м да, тут... пять и...

– И?

– С-семь?

– Шесть! Пять и шесть дают тридцать! Множь!

Таблицу умножения Глеб, слава богу, знал неплохо.

– Та-ак... Куда?! А числитель?

Глеб вздрогнул. Он знал, что числитель стоит вверху, но что с ним делать решить не мог.

– Числитель кто за тебя перемножать будет?

– Ой да...

– То же самое, дурень! На те же самые цифры множь!
Шесть и пять!

Экзекуция близилась к завершению. Точнее Глебу так казалось.

– Вот, готово.

– Не готово! Сокращать дроби Пушкин будет?

Глеб шумно выдохнул, как паровоз перед отправлением и безнадежно уставился в уравнение.

Прошло пять мучительных минут, прежде чем Константин Алексеевич, не выдержав, плюнул на тряпку, стер с доски каракули Глеба и, раздраженно стуча мелом, начиркал правильный ответ.

– Баран безрогий!

– Чего-о? – в свою очередь не выдержал Глеб.

– Того!

Глеб стиснул зубы, сверкнул на учителя взглядом и, оскорбленно сопя, двинулся к своей парте.

– Чего сопишь-то? Я ж тебе добра желаю! – вдруг как бы смягчившись, лицемерно-снисходительно проговорил учитель, когда Глеб, складывал вещи в мешок.

Это было продолжение издевки.

– Люблю я тебя! Вот бывает, проснусь посреди ночи и думаю, думаю, что тебя, индюка, в жизни ждет. Ведь ничего же хорошего не ждет! Лошадь, бочка и черпак – трудовые подвиги ассенизатора. И грустно мне становится-я...

Еще год назад Глеб бы жестко ответил, что не нуждается

в поучениях и жалости, что в гробу он слышал эти нотации, и вообще в летном училище, куда он скоро поступит, математика стоит даже не на первом месте. Но теперь он стал гораздо мудрее. И гораздо лучше знал Константина Алексеевича с его любовью выкручивать уши.

К. А. Щепов (или, как его с давних пор окрестили школьные остряки, Кощей) был худшим учителем в школе. Заскорузлый, сутулый, перекошенный, обсыпанный меловой пылью, в кривых очках и с вечно всклокоченными волосами. Когда однажды в газете Глеб увидел фото предателя Власова, то сперва решил, что это Кощей в военной форме.

Сказать, что Кощей был злым или противным – значит, не сказать ничего. Кощей был *разным*. До мурашек разным, но всегда плохим. Иногда он вел себя презрительно и холодно, глядел на ребят сквозь свои линзы, как римский император на рабов. В другие дни становился ехидным и мелочным, постоянно кривился в усмешках, гадко подтрунивал. Порой приходил сонный и хмурый, преподавал через силу заплетающимся языком. А в иной день являлся веселый и энергичный, всех подбадривал, потирал руки и от всей души славил правительство и армию. В такие дни Глебу при нем становилось особенно тошно.

"Раз ты негодяй, так уж и оставайся им всегда! Чего комедию ломать?"

Еще дичее было то, что при всем при этом Кощей с удовольствием играл Деда Мороза каждый Новый год. Прихо-

дил в актовЫй зал в подвязанной бороде и длинном буром тулупе, громогласно говорил нараспев, водил хоровод.

Как-то хорошистка Соня Левченко, над которой Кощей день назад нехорошо посмеялся, не выдержала и выдала ему сквозь слезы:

– Вы, Константин Алексеевич, хам лицемерский! За таких как вы мой брат на фронте кровь проливает! А вы больным прикинулись, чтобы на войну не идти!

Все ждали, что он ее сейчас за косы отгаскает и к директору поведет, а Кощей как-то грустно потупил взгляд и, будто в полусне говоря сам с собой, промолвил:

– Есть такое... И хам, и гордец, и скряга, и до женского полу охотник... Но не трус я, не-ет! Я в гражданскую кровь пролил! У меня осколки в легких!

Покашлял для виду и вlepил Соньке "неуд".

"Может, у него с головой плохо? Бабушка не зря таких окаянными обзывала", – думал Глеб, проходя через зал, мимо высокой драненькой елки с картонной звездой.

Он знал, что жена у Кощей, по крайней мере, точно "того". Математик жил с унылой, безмолвной как корова бабой, серое лицо которой вечно хранило туповато-испуганное выражение. Лишь раз Глеб услышал краем уха ее разговор с кем-то: "Ой не знаю, вроде один, а вроде и нет. Он, не он... Как из подполу вылезет – как будто и другой".

"Пьет – черти мерещатся", – не без сочувствия решил Глеб.

В полукилометре от школы в укромном закутке знакомые ребята играли в бабки. Ванька Зимогоров, Пашка Агаев, Пахомка Лисин, Колька Белых с братом Шуркой и хулиган по прозвищу Шило. Ставки: пять копеек, два винтовочных патрона, кусок сахара и цветная картинка из журнала про авиационное строительство.

Глеб заметил, как Ванька вынул из своей сумки пузырек свекольных чернил: проигрался! Шило, заломив шапку на затылок, следил за ним, насмешливо катая во рту "козью ножку".

– Глебыч! – крикнул вдруг Ванька, когда Глеб уже прошел мимо.

– Чего?

– Брось за меня. Ты ж меткий!

– Э-э! Это че за фокусы! Нечестно! – вскипели хором Колька и Шурка.

– А чего! Ты за брата тоже кидал!

– Не-е... Я пойду, – хмуро вымолвил Глеб.

– Друга бросишь, да?! – обиделся Ванька. – А я тебе Жюля Верна давал читать! Забыл?

– Пусть кинет, – дал свое авторитетное согласие Шило.

Не охота было Глебу ввязываться в чужую игру. Три дня назад матери клялся не играть. Но делать нечего. Дружба на кону.

Взял биток, прицелился и вышиб два гнезда.

Колька и Шурка вытянули свои глуповатые лица. Мель-

ком переглянулись, зло уставились на Шило, который только ухмыльнулся, задрал самокрутку, как дуло гаубицы.

– Нечестно! – в гневе заверещал Шурка.

– Ша! Честно бросил, – отрезал Шило, уже чуя славную потеху. – Гони монету!

Оба брата стали надвигаться на Глеба и Ваньку, грозно сопя и скидывая рукавицы. Шило не препятствовал. Ванька растерянно пытался их вразумить и пятился назад, как трусоватый командир с передовой. Пахомка о возбуждения начал пританцовывать.

Домой Глеб вернулся со вспухшей скулой и горькой досадой на приятеля (другом его теперь и звать-то не особо хотелось).

– Опять дрался! – подскочили к Глебу две младшие сестренки Рая и Галя, вечно сующие нос не в свои дела.

– Ниче не дрался! – буркнул Глеб. – Поскользнулся, упал... щекой об лед.

– Дра-ался, дра-ался! – убежденно повторила четырехлетняя Галя, сверкнув круглыми праведными глазками.

– Ну дрался и что! Не ваша печаль! Мамке чтоб тихо, поняли? А то не буду вам больше книжку про остров читать!

"Все равно увидит!" – мрачно подумал Глеб, оглядев себя в зеркале. – "А там и догадается, что играл."

Настоящие драки только и случались во время игр.

Мать, вернувшись с базы, сразу все увидела и, конечно, обо всем догадалась. Но разозлилась сильнее обычного.

– Я на работе замерзаю, от отца писем нет, а он, собака, в кости дуется! – кричала сиплым голосом мать, швыряя одежду и гремя у печки чугушками. – Клялся же, клялся, бесстыжий, третьего дня не играть!

– Меня Ванька попросил, – оправдывался Глеб.

– Слышать не хочу про Ваньку твоего! Сначала бабки, потом пьянки! А потом и на дело позовет! Пойдешь, с ним? Пойдешь?! Зараза!

Мать дала ему затрещину.

– Еще раз бабку в руку возьмешь и... не сын ты мне больше! Понял?!

Глеб опешил и ушел в другую комнату делать домашку. Потом плюнул на нее, бросил перо, поел хлеба и лег на тюфяк.

Мать не позвала его ужинать.

Тянулись часы. За окном танцевали снежинки в густо синеющей мгле. Ползали тараканы. В щели забирался мороз. За дверью пощелкивали равнодушным сухим треском дрова в жаркой печке.

Чтобы как-то приободриться Глеб взял газету, на которой вместо тетрадки делал задание, и стал читать. (Тетради в школе выдавали только для контрольных).

"Раненый Степанов, в одиночку подбил третий фашистский танк, подползший к самому орудью. Когда из люка высунулось перекошенное ужасом лицо командира, бесстрашный сержант расстрелял его из пистолета, влез на башню

и бросил в открытый люк бутылку с зажигательной смесью. Звериный вой горящих заживо врагов..."

Дальше была клякса.

"Вот где настоящие люди-то!" – с горечью подумал Глеб. – "И батька мой там. А я, дубина, здесь торчу, у мамочки под юбкой! Верно, бесстыжий..."

Этим вечером он твердо и окончательно решился бежать на фронт. Мешок сухарей уже был заготовлен. Не хватало главного: оружия. Эту трудность, впрочем, Глеб надеялся как-нибудь разрешить по мере продвижения к передовой.

"До прифронтовых деревень добраться, а там, небось, винтовки в любом сарае лежат..."

На следующий день, придя из школы, Глеб подкрепился запасами, взял все необходимое и, написав матери прощальное письмо, вышел за калитку.

Он шел по знакомой с ранних лет улице с мешком и лыжами за плечами, понимая, что, быть может, видит все это в последний раз. На сердце было тяжело. Ум понимал, что предстоящее не забава, не игра, но душа верить отказывалась. Верилось, что будет, как в "Красных дьяволятах": раздва и Гитлера в плен взял, и грудь в орденах, и девочки все в школе на шею бросаются. А ум понимал, что будет по-другому: не как в кино, не как в книжках. Может, даже будет

настолько *по-другому*, что и представить сложно.

“А сколько мне отсюда до фронта переть?” – впервые, как следует, призадумался Глеб.

Он вспомнил географическую карту в школе. Из уральского поселка до Москвы, от которой немцев давно уже отогнали...

“Месяца два, может, если не на поезде. А там, глядишь, наши выигрывать начнут. Фронт на запад поползет, так что хрен их догонишь...”

От этой дурацкой, но забавной мысли Глебу сделалось полегче.

“Ладно!” – бодро подумал он. – “Не может быть, чтоб там так уж было страшно. Тогда бы батька по-другому в письмах писал. Да и в газетах все прилично. Кормят-то там уж точно получше, чем здесь!”

Для поднятия духа он начал тихо бубнить под нос походную песенку.

Смеркалось. Сизые облака ползли по небу рваным покрывалом, как чьи-то несметные армии. В домах и избах одна за другой загорались керосиновые лампы. Где-то далеко отчаянно каркала последняя ворона. Должно быть, кошка или человек взбесили ее.

Глеб слушал скрип своих валенок. Жевал, сам не зная зачем, горькую рябиновую гроздь.

Из дома, в котором жила молодая (и весьма симпатичная) складская бухгалтерша, вышел, надевая перчатки, высокий,

подтянутый милиционер очень мужественного вида.

Прятаться было поздно.

– Глебка! Ты куда это собрался на ночь глядя? – спросил дядя Володя, шмыгнув носом и приподняв брови.

– Да так... – не здороваясь, ответил Глеб.

Ему не хотелось отвечать. И вовсе не из страха быть пойманным. Скорее даже, наоборот: от нахлынувшего с внезапной силой презрения к этому холеному, сытому коту, которого он когда-то, к своему стыду, глубоко уважал.

“А ведь, если скажу правду, он мне ничего не сделает!” – подумал вдруг Глеб. – “Он, что ль, тыловик вшивый, запретит мне Родине долг отдать? Ага! Щас! Разбежался, гад!”

– Куда идешь?

– На гору кататься, – буркнул Глеб.

– А че без друзей? Не скучно будет?

– Нет.

– Грустный ты, брат, сегодня. Случилось чего?

– Случилось... – мрачно вымолвил Глеб.

– И что же?

Глеб остановился, чувствуя, что закипает.

– А вы Наталье Юрьевне опять стол помогали чинить?

– Э-э... – дядя Володя растерянно ухмыльнулся, но отшутиться как следует не смог. – Шпик, ты однако!

– Вот и чините!

Глеб пошел дальше.

– Дурак ты, Глебка! – снисходительно вздохнул милици-

онер.

– Чего это я дурак?

– Ты ж не знаешь, каково женщине одной. Годами без мужского плеча. Без поддержки.

– Знаю, у меня мать одна! От отца писем нет уже третий месяц.

– Ну и как?

– Чем могу ей в хозяйстве помогаю. А вообще... Если б не школа, я бы хоть щас воевать пошел. Чем здесь торчать!

“Как некоторые!” – едва не сорвалось с языка.

– А щас куда идешь? – сощурился вдруг дядя Володя.

– На горку.

– С вещмешком?

Глеб сокрушенно потупил взгляд. Милиционер, нахмурившись, поманил его пальцем.

– Да подойди ты, не схвачу тебя.

Глеб сделал пару несмелых шагов.

– Ты че думаешь, это все шутки что ль? – понизив голос, настороженно сказал дядя Володя, шмыгая носом. – Ты куда собрался?

– Долг стране отдавать!

– У-у... А ты вообще знаешь, что там творится?

Глеб молчал.

– Ты знаешь, что... Я щас те цинично скажу, но ты уж прости. Тут уж, как говорится, правда-матка, ее не обтешешь. Ты знаешь, что там люди-то не живут, что они там умирают?

Глеб вдруг ясно почувствовал, что разговаривает с предателем.

– Неправда! – прорычал он сквозь зубы.

– Правда, правда.

– Так бы все и умирали! Один сержант вон три немецких танка в одиночку подбил, я читал! Раненный!

– В газете читал?

– Да.

– Хм! А потом еще тридцать фашистов в плен взял и “Мессершмидт” камнем сбил. Знаем эту песню!

– Да в-вы... Что вы знаете!

Глеб чуть не дал ему в нос, но вместо этого развернулся и побежал. Дядя Володя ринулся за ним.

Он непременно догнал бы Глеба, но, поскользнувшись, чуть не упал, подарив ему спасительные секунды.

Глеб сиганул в канаву, перемахнул через плетень, а потом через следующий. Он знал, что бег с препятствиями не к лицу лощеному стражу порядка. Но на всякий случай вынул рогатку и недвусмысленно прицелился милиционеру в лоб.

“Предателю в лоб!”

– Ну стервец! Ла-адно попомнишь еще! – крикнул дядя Володя. – Я ж... те добра хочу!

“Да уж, прямо как Кощей добра хочешь!” – зло подумал Глеб. – “Все вы мне добра хотите, сволочи! Вот и сидите тут, шкуры свои ненаглядные берегите!”

– Мать пожалей, дундук! А вообще... никуда ты отсюда

не денешься, слышь! Пешком даже до Ухты не дойдешь, замерзнешь! Или волки сожрут! А поезда все идут закрытые! На станциях контроль, смотрят, чтобы даже мышь не проскочила! Э-эх... Ремня тебе крепкого не хватает! Чтоб дурь из башки вышла!

Милиционер дочитал грозную нотацию и, закурив, побрел восвояси.

Глеб продолжил путь. На душе было так скверно, что хотелось начисто забыть об этой встрече. Об этом подлеце, которого никто никогда из его шинели не вытряхнет. И ведь как спокойно, с улыбкой, по-интеллигентски рассуждал: "Не живут, а умирают".

"Вот же заделался милиционером, гадина!"

Поселок заканчивался. Впереди за голубой гладью поля стоял угрюмым частоколом темный, в тяжелых снежных шапках, мохнатый лес. Старые ели напоминали сонных великанов-часовых.

Глеб надел лыжи. Идти в лес было страшно. Не так, чтобы очень, но все-таки память о волках, которые не раз задирали на опушке телят и коз, стучала в сердце беспокойным молотком.

Восемь километров до железной дороги. По лесу ночью с рогаткой...

"Надо было утром отчаливать!" – горько подумал Глеб. – "Баран!"

Лес расступился перед ним сказочным царством укутан-

ных в махровый жемчуг ветвей, могучих еловых лап, которые, только тронь, обрушат на голову снежные водопады, дремлющих под грузом зимы, занесенных по самую макушку пней, страшных коряг, торчащих словно корявые пальцы лешего, и чистейшего, пробирающего, дрожащего от напряженной тишины, ледяного воздуха. Его хотелось пить, как ключевую воду.

"Зимой еще ни разу до туда не ходил", – сделал Глеб за-
поздалое открытие.

Знакомой тропки было не разглядеть, деревья и кусты не узнать. Хорошо еще, снежное покрывало озаряло путь не хуже уличных фонарей. Не чета ночной чаще летом.

Необычно было Глебу идти одному внутри этого застывшего мира, сияющего роем волшебных искр в тусклом свете месяца. Кругом тишина. Сышно, как потрескивает от мороза кора на стволах. Как ветер осыпает с крон нагромоздившийся снег.

Глеб воображал, как среди этой красотищи черными вороватыми тенями по своим темным делам рыщут голодные волки.

Волков он видел раз пять за всю жизнь, и то издали. Вот отец в свое время чуть ли не каждый день на них глазел. Когда поселок еще не был поселком.

– Данилку-то загрызли... – рассказывал, бывало, батя, лежа на печи и дымя махоркой. – Только сумку от него нашли, да матери отнесли.

Не хотелось Глебу повторить судьбу давным-давно забытого всеми Данилки. А в карманах только рогатка, спички да нож.

"В такой тиши волков, конечно, хорошо слышно. Успеть бы на дерево влезть," – сумрачно думал Глеб. – "Успеть бы... Влезть-то влезешь, а дальше что?"

Подумал он и о матери:

"Наверное, с ума сходит. По соседям бегают..."

А, может, и не сходит? Может, тихонько поплакала, утерла слезы, и, помолившись, благословила его в тяжелый путь?

Глеб почувствовал, как то ли от мороза, то ли от мыслей в глазах проснулись едкие слезы. Ему вдруг нестерпимо захотелось, чтобы не надо было никуда идти, чтоб отец вернулся с фронта, чтобы мама, как раньше напекла пирогов, и война как-нибудь сама собой вдруг закончилась.

Какой-то тихий голосок внутри стал жалобно звать его домой...

Он огляделся. Понял, что не знает, куда идет. То что, казалось передом, вполне могло быть задом. Север востоком, запад югом. Лес, ночь, зима...

Свирепый холод забирался под тулуп. Пальцы в рукавицах уже не так послушно гнулись. Ступни задубели.

"Больше часа иду. Где ж железная дорога?"

Выругав себя всеми известными словами, Глеб понял, что надо разводиться костер и ждать до утра. Двинулся в поисках удобного места.

Лес, как старый злой колдун ухмылялся над ним в седые усы заснеженных ветвей. Дышал в лицо ледяной смертью.

Каких только страшных чудес и фокусов не ожидал Глеб, ползая на лыжах по бесконечной черно-голубой чащобе.

Искал поляну, а нашел избу. Крохотную, приземистую, укутанную снегом, так что и не сразу разглядишь. В окошке темно. Дверь не заперта.

Чиркнув спичкой, зашел в темные, как могила сени. Так и есть: пусто. Из удобств только печка, стол с табуреткой, и громадная, до потолка куча соломы в углу. А еще какой-то ни то короб, ни то ящик.

Глеб подумал, что хозяин, должно быть, где-то поблизости: на столе была грязная посуда, карандаш, спичечный коробок, возле печки лежали свежие дрова.

“Либо вернется сейчас, либо вообще не вернется.”

Глеб развел в печи огонь, поужинал сухарями и с удовольствием зарылся в мягкую сухую солому. На всякий случай вынул нож. Дверь решил не запирать, чтобы в случае чего успеть выскочить.

Скоро в избушке сделалось настолько тепло, что Глебу стало жарко в тулупе. На душе просветлело. Расхотелось идти домой.

“Все равно мамка убьет”, – подумал он. – “Еще ребята, чего гляди, узнают, засмеют всей школой...”

Опять вспомнил дядю Володю и почувствовал, как злобно щемит в груди. В памяти всплыли фотографии молодых,

красивых, улыбающихся здоровыми зубами бойцов из газет. Разве возможно, чтоб на фронте жизни не было? Трус всегда по себе судит.

“Ну гибнет, может быть, каждый пятый... каждый седьмой, ну что ж? На то и война! А трусу там точно конец. Тот он, небось, от зависти позеленел!”

От пережитых волнений и усталости Глеба разморило так, что даже думать не стало сил. Мысли спутались в клубок и покатались неведь куда.

Он забылся.

– Сапоги мои того... – донесся сквозь толщу сна, чей-то странный голос.

Глеб открыл глаза. Не сразу вспомнил, где находится. Как слепой захлопал глазами в кромешной тьме.

– Пропускают Аш-два-О!

По полу затопали чьи-то ноги.

– Ух, холодрыга!

– Валенки мне новые нужны.

– Ну а я что? Аварусу скажи, он же завхоз теперь!

Глеб затаил дыхание. Каким-то нутряным чутьем он сразу понял, что это не хозяйева.

– Спички где?

Чужой коробок прятался у Глеба в кармане.

– Тут вроде... На столе были.

– Нету! У себя поищи.

– Зар-раза! Что ж мы теперь даже огонь не разведем?

– Разведем. У меня огниво есть.

Незнакомец начал чиркать возле печки кремнем о трут.

Искра не высекалась.

– Три километра бикфордова шнура... Заряды во всех точках заложены, кроме двух. Как будем отчитываться?

Старший опять психовать начнет.

– Да пошел он! Фокусник! Иллюзион ему подавай!

– М-да... Оружие проверял?

– Гулус проверил.

– Черт, гореть не хочет! Спички должны быть. На полу пошарь!

– Идиоты мы. Три электрических фонаря дома лежат, ни один с собой не взяли.

– Ну че ж теперь... Слава богу, что не взяли, а то мало ли – кто б нас с ними заметил.

Глеб почувствовал, как сотни паучков побежали по телу и зашевелились в волосах. Он напоролся на них! На тех, кого здесь быть просто не могло. Не на дезертиров, не на бандитов. Хуже...

Несмотря на ужас, оба голоса показались ему вдруг до странности знакомыми. И при том даже будто похожими друг на друга.

– Домовой спички спер. Нету!

– Ах, ё... Слушай! – испуганно шепнул разжигающий. – По-моему, кто-то тут без нас дрова жег. Угли горячие!

– Точно, домовой...

– Кто-то тут был, пока нас не было.

– Твою мать, ящик!

Оба бросились к стоящему в углу коробу и начали перебирать в нем какие-то железные штуковины.

– Нет, в порядке. Сюда, он не заглядывал.

– Все равно, пересчитать надо.

За стеной раздался шум: с дерева обрушилась снежная шапка.

– Слышал?

– Снег что ль?

– Щас посмотрю.

Над ухом зловеще щелкнул взведенный курок. Один незнакомец вышел из избы с наганом наготове.

Глеб мигом надел валенки, схватил шапку и, боднув слепою фигуру в живот, пулей вылетел в ночь.

– Эй! – заорало сзади. – Сто-ой!

Грохнул выстрел. Глеб вжал голову в плечи и припустил, что было духу. Бежал он недолго. Глубокий снег и заросли, превратили бег в отчаянное карабканье.

Двое сзади кряхтели, ругались и, с треском ломая валежник, перли по пятам. Им доставало Глебкиной прыти.

Он не заметил, как очутился на берегу заледенелой узкой речушки. Скатился вниз и, поскользываясь, кое-как перебежал на другую сторону. Шум погони больше не долетал. Никто не орал, не палил из нагана. Лишь в висках бешено барабанила кровь.

Глеб несколько минут напряженно вслушивался, лежа в колючих кустах, моля бога (пусть его даже и нет), чтобы злодеи не пошли по его следам.

Ни шороха. Только где-то очень далеко противно плакала зануда-сова.

Встал, отряхнулся. Вспомнил, что вместе с лыжами оставил в избе все свои вещи, кроме рогатки, спичек и ножа. Жалеть о них, абсолютно не хотелось. Ни о каком походе на войну Глеб больше и думать не смел.

"Выбраться из леса, вернуться в поселок, в милицию, предупредить!"

Он несколько часов мотался по лесу, как помешанный, вслепую пытаюсь нашарить правильный путь. Месяц скрылся за тучами, и если б не снег, он бы и правда был немногим лучше слепого.

Даже слезы потекли от злости и отчаяния:

"Раскрыть такое дело и вот так сдохнуть в глуши!"

Ему то и дело казалось, что за спиной кто-то крадется. Два раза Глеб чуть не побежал, приняв темные очертания чащи за фигуры людей.

Потом, уже порядком забывшись от усталости, добрел до края какого-то глубокого мглистого оврага, в который чуть не упал.

Сперва Глеб даже не понял, *что* это перед ним. Яма с совершенно черным, как лужа мазута дном. Придя в себя, он разглядел и расслышал, как внизу, плотоядно ворча и поску-

ливая, точно в страшном сне, копошатся какие-то черные тела. Их было так много, что само дно лишь мельком проглядывало сквозь эту круговерть.

Потом ворчание перешло в разъяренное рычание. И вдруг навстречу Глебу вынырнула, захлебываясь слюной, громадная клыкастая волчья пасть.

Глеб с криком отпрянул, упал задом и стал отползать.

Волк, не сумев выбраться из оврага, скатился вниз, но к нему тотчас присоединились другие.

Овраг наполнился яростным рывканьем, лаем, клацаньем зубов и даже утробным воем, словно волки уже много дней ничего не ели и вождедели всякий ошметок мяса.

На какой-то миг Глебу почудилось, что по краю оврага кем-то вбиты острые колья и натянута колючая проволока. Эта мысль сверкнула в его мозгу и тут же утонула в море паники, когда он, не помня себя, бежал прочь от жуткого места.

Из леса Глеб вышел, когда, уже начинало светать. Небо плотным серым ковром заволокли тяжелые тучи. Занималась метель.

Несмотря на летящую в глаза ледяную пыль, Глеб разглядел вдалеке за полем знакомые очертания заброшенной церкви и двух труб котельной.

Он пришел к поселку с другого конца, но все же хотя бы

пришел. Радость и облегчение встряхнули душу и придали телу сил.

Через четверть часа, набрав в валенки снега, белый как снеговик, на ватных ногах Глеб, отдуваясь, неся по главной улице прямо в милицейский участок.

Вчерашний предатель, трус и гад сидел за столом, подперев рукой тяжелую голову, и мрачно посасывал папиросу.

– Дядь Володя!

– Не дядь Володя, а товарищ старший лейтенант! – резко поправил тот.

– Товарищ старший лейтенант...

– Оружие на стол!

Глеб растерялся, потом сообразил, что от него хотят, и, вынув из кармана рогатку, положил перед офицером.

– Вот так, – удовлетворенно сказал дядя Володя.

Он криво улыбнулся и подмигнул Глебу мутным глазом.

– Ну че? Расхотелось воевать?

– Я не про это! Там в лесу...

– Ой, да ты никак в лесу ночевал? Ё-ё... Тебе б горячего чего-нибудь. Чаю у нас нет, суп еще не варили. Ермолаев!

В дверь заглянул курносый парень в рубахе и милицейской ушанке.

– Водочки на один ноготок! Товарищу герою, сыну полка.

– Да яж... – задохнулся от негодования Глеб.

Голос его вдруг предательски сел, превратившись в мало-сильное сипение.

– Т-там в лесу! Эти... Шпионы! Поселок взорвать хотят! Бомбы готовят!

Глаза старшего лейтенанта прояснились. Брови дрогнув, съехались к переносице.

– Чего?

– Немцы в лесу! Дидь... эти ну... ди...

– Диверсанты!

– Да!

– Та-ак, а ты откуда знаешь, что это немцы? Они что, по-немецки говорили?

“И правда, какие же они немцы?” – растерянно подумал Глеб. – “Но, все равно ж, диверсанты! Враги!”

Глеб рассказал милиционерам все, что помнил о своих лесных злоключениях.

– Чертовня какая-то! – раздраженно пробурчал дядя Володя, растирая лицо и наливая себе из графина воды. – Так, ну положим, избушка... Где она находится, ты, конечно, не помнишь?

– Не помню. Там речка какая-то маленькая рядом. Я... я это место узнаю, если увижу.

– Речку мы знаем, – он покопался в выдвижном ящике и расстелил на столе карту. – Вот... Значит, двинемся вдоль русла.

В дверь просунулась бритая голова в привязанных к ушам очках.

– Связи нету, не дозваниваемся! Наверно, из-за мороза на

линии разрыв.

– Ну Глебка... Смотри! – дядя Володя сурово посмотрел Глебу в глаза. – Целую операцию по твоей милости готовим! Осознаешь степень ответственности?

Глеб понимающе закивал.

– А точно узнаешь место-то?

Глеб знал, что в случае ответа “нет”, его тут же отправят домой к матери. А домой идти после всего случившегося совершенно не хотелось.

– Точно. Там кое-какие... приметные штуки есть, – солгал он. – От избушки тропка идет, вы сами все увидите.

– Ну тогда с нами поедешь.

Они вышли из дома в необычайно густую, непроглядную как туман пургу.

– Погодка! – проворчал один милиционер.

Зашли в гараж, где стоял выдавший виды грузовичок с треснутой фарой. Курносый воткнул в него “кривой стартер” и принялся бешено вертеть.

Полуторка предсмертно покашляла, но заводиться отказалась.

Попробовал еще. Опять. Снова. В пятый раз. Заглянул под капот.

– Елки! Карбюратор что ли? Может, это... тряпку бензином смочить, коллектор обмотать...

– Заглохнем! – зло перебил дядя Володя. – Все ни к черту! На тележке поедем, на клячах!

Машин, кроме милицейской, в поселке не водилось, а до базы надо было идти километра три.

Спустя какое-то время старая скрипучая телега, запряженная парой тощих кобыл, нехотя тащилась по заснеженной дороге к лесу. Впереди на пегой лошади за спиной самого дяди Володи ехал Глеб.

Он гордился собой и в то же время чувствовал острый стыд за все гадости, которые думал про нормального, может быть, даже очень храброго человека.

Только сейчас он ощутил, как ему на самом деле не хотелось уходить из дома на фронт. Насколько все это было бессмысленно, глупо и не серьезно.

Игры закончились. Не Глеб шел на войну, а сама война вдруг пожаловала к ним в гости. Он верил, что сможет отыскать путь к избушке. Что в этом логове обязательно что-нибудь будет. Может, даже удастся сразу напасть на след шайки, догнать, перехватить, накрыть всех одним махом.

"Жалко, оружия мне никто не даст..." – с грустью думал Глеб, оглядываясь на сидящих в повозке двоих милиционеров, вооруженных револьвером и трехлинейкой.

"Хорошо хоть, рогатку свою под шумок забрал!"

Метель все свирепела. Снегопада, кажется, не было, но ветер гнал по полю клубы старого колючего снега, лупил по лицу мерзлым веником, не давая ни смотреть, ни дышать.

Глеб кое-как прятался за спиной дяди Володи, щурил глаза, пытаясь понять, когда, наконец, уже вынырнет из бури

спасительная стена леса.

– Василич!

– Чего? – обернулся дядя Володя.

– Да стерва, застряла! Колесом, что ль в яму попали?

Ермолаев вертел носом, перегнувшись через борт телеги.

Очкастый лупил кнутом топочущих на месте лошадей.

– Н-но! Давай! Пошли, родные!

Но те никуда не шли. И повозка, скособочившись, встала намертво.

Делать нечего! Дядя Володя и Глеб слезли с лошади. Вместе с остальными принялись выталкивать телегу, кое-как приподнимая ее с краю.

Когда у них получилось, и повозка сдвинулась с места, Глеб заметил, что провалившееся в яму под косым углом колесо начало вихляться из стороны в сторону.

До леса оставалось полкилометра или больше.

И снова кругом белая даль. Ветер шпарит по щекам. Околевшие пальцы ни черта не согреваются в мерзлых рукавицах.

Глеб знал, что в мире полно более теплых мест. Что где-то под жарким солнцем плещется синее море, растут сказочные пальмы, а зимой бывают только дожди.

“Побывать бы там хоть раз... Капитан дальнего плавания – вот это профессия!”

Он стер с губы ледышку, в которую давно превратились сопли, и оглянулся.

– Добрались! – бодро возвестил старший лейтенант.

– Дядь Володь!

– А?

– Наших нет! – испуганно сообщил Глеб, выворачивая шею.

Позади, и правда, было пусто.

– Отстали. Щас догонят.

Дядя Володя завел лошадь под сень деревьев, прыгнул и стал смотреть в поле.

Прошла минута, две, три.

– У них же это... колесо, небось, опять... – вспомнил Глеб. – Колесо отвалилось!

– Едрить в корень! Бросить эту кибитку и пешком идти – и то быстрее!

Они подождали еще. Ни одного темного пятна не ожило в призрачной, как девичья фата пелене пурги.

Дядя Володя достал из кобуры наган, поднял вверх, хотел выстрелить, но передумал.

– Ладно, съездим, посмотрим...

Они сели на лошадь и двинулись назад. Ни намека на дорогу нельзя было распознать. Быть может, они с нее съехали, сами того не подозревая. Копыта вязли в снегу, лошадь уже начинала фыркать от недоумения и тревоги.

Откуда-то сбоку донеслось эхо выстрела.

– Слышал? – насторожился дядя Володя. – Справа, что ли?

– Да.

– Это мы, наверно, крюка дали. Ни черта не разглядишь!

Н-но!

Он погнал лошадь туда, откуда прилетел звук.

Через минуту стало ясно, что путь выбран неверный.

– Ну стрельни ты еще разок! – уже заметно бесился командир.

Он два раза палил в воздух, вслушивался в заунывный вой метели, сняв ушанку.

– Дубье! Лапотники! Что может быть проще – распрягите кобыл, доскачите на них! Телега все равно реквизирована!

– Они ж без седел! – возразил Глеб.

– Ну и что? А как индейцы раньше на конях скакали? Господи, вот комедия-то, а!

После еще пяти минут петляния в снежной пустоте, дядя Володя выругался непечатным словом и сказал:

– Слушай, Глебка, они, наверно, вперед нас ушли!

– Как это?

– Ну так. Решили, что мы их в лесу у речки ждем. А мы тут с тобой, как дураки мотаемся туда-сюда. Ух, дезорганизация!

Они вернулись в лес и добрались до речушки. Привязав лошадь, двинулись берегом.

В лесу было тихо и сонно. Метель бушевала в поле. Даже ветер не мог продраться сквозь густые еловые шубы и тернии ветвей.

Чаща теперь выглядела мирно, даже приветливо. Не то что ночью. Казалось, никаких врагов здесь не встретишь, как не ищи. То ли дело одному в морозной мгле, под вой волков...

Глеб вспомнил, что так и не рассказал милиционерам про страшный овраг. По правде сказать, он не был уверен, что все это ему не примерещилось от страха и усталости.

Поглядывая вокруг, Глеб вдруг с радостью понял, что узнает места. Ну, конечно! Вон и та горка, с которой он скатился к реке. И еловая ветка, хлестнувшая его по лицу.

– Туда, – сказал он, указав на спуск.

"Хоть бы так! В лесу всегда все похоже..."

Дядя Володя хмуро кивнул, явно раздосадованный, что так и не встретил свой отряд.

Прошло несколько минут, прежде чем они добрались до той самой избушки. При свете дня она показалась Глебу еще мельче и смешнее.

В окне теплился свет.

– Тс-с... – шепнул дядя Володя, заходя вперед и держа палец на курке.

Он подкрался к двери. Велев Глебу не высовываться, резко распахнул ее. Шагнул внутрь. Глеб, тут же плюнув на приказ, вошел следом.

За столом сидел Константин Алексеевич и, ковыряя ногтем какую-то щепку, равнодушно смотрел на гостей.

– Та-ак, знакомое лицо! – изумленно вымолвил милици-

онер.

Глеба аж передернуло. Ну, конечно, это был Кощей! Как он умудрился ночью не узнать его голос! Вот кого из местных эти гады себе в наводчики-то взяли!

– Вы, гражданин, что здесь делаете? – строго спросил дядя Володя.

– Я... э-э сижу, – засуетился Кощей.

– Это я вижу, что вы сидите, а почему вы *здесь* сидите?

– У них в ящике все лежит! – прошептал Глеб и заметил, что ящик в углу стоит пустой.

– Встать!

Кощей, что-то бормоча, неуверенно поднялся на ноги.

Во дворе захрустел снег. Глеб обернулся. Увидел лишь руку, которая, взяв его за лицо, с силой швырнула на пол.

– Э! Г-граждане! Назад! – вскричал дядя Володя, уже скрытый от Глеба мрачными спинами в шинелях и тулупах.

Глеб услышал звонкий удар в лицо. Наган брякнул об пол. Потом еще, еще удары.

– Глвэб! – донеслось уже с пола.

Шестеро с презрительным спокойствием пинали старшего лейтенанта, как футбольный мяч.

Глеб сидел обездвиженный, не зная и не задумываясь, что ему делать. Они убивали его. Не били, не избивали, а *убивали!*

В какой-то миг кольцо расступилось. Двое под руки выволокли еле живого милиционера с залитым кровью лицом.

Как тараном ударили его лбом о печь и бросили на пол.

Он лежал на спине с открытыми, но уже ничего не видящими глазами.

Один из очкастых (почему-то все нападавшие оказались в очках) направил револьвер ему в грудь и спустил курок.

Только теперь Глеб опомнился. Вскочил на ноги, рванул к выходу, налетел на сторожившего все это время дверь Кошца. Мерзкое Кошцево лицо скривилось в оскале:

– Куда-а?!

Глеб хотел ударить его, но кто-то уже заломил ему руки за спину и принялся вязать их.

– Второго раза не будет! – каркнул сзади Кощей.

Его бросили к печке, рядом с мертвым телом. Стащив валенки, стянули бичевкой ноги.

С трудом приподнявшись на локтях, Глеб увидел, как все находившиеся в доме, стоя полукругом, внимательно изучают его, словно ценный трофей.

Кощей, Кощей, Кощей, Кощей, Кощей, Кощей и Кощей. Одно и то же лицо, одна и та же ухмылка, один и тот же рост, одинаковые очки. Только одежда была на всех разная.

У Глеба помутилось в мозгу. Несколько секунд он тупо вертел головой, хлопал глазами, потом вдруг затрясся и с ужасом загоготал, как сумасшедший гусь на проталине.

“Кощей размножился! Раздвоился, растроился, рассемерился! Что дальше?!”

Перед ним стояли семеро Константинов Алексеевичей,

похожие друг на друга, как патроны в обойме.

"Уколоться и проснуться!" – вспыхнуло в голове.

Страшные сны всегда обрывались, едва он вспоминал, что спит...

– Ну и чего с ним делать? – небрежно спросил один Константин Алексеевич.

– Убить, – сухо сказал стоявший посредине.

– Супербий, да ведь это ж... – замялся и забегал глазами крайний Кощей.

– Свидетель! – оборвал названный Супербием.

– Да нет, ну... товарищи... Должен быть какой-то другой выход. Мы ж, все-таки, не расстрельная команда!

Супербий, не слушая, поднес наган к Глебкиному носу.

Глеб в ужасе зажмурился.

– Ветирую! Вето! Вето! – вскрикнул кто-то сбоку. – Уже трое несогласных!

– Совсем сдурели? – мрачно прошелестел средний. – Ради одного мелкого оболтуса дело погубить?

– Не хочу я мараться в детской крови! – возмущенно забормотал второй справа. – Я, в конце концов, учитель!

– Тряпка ты! Которой доску вытирают! – буркнул третий слева.

– Товарищи, братья! Супербий, Аварус! Мы же договорились, чтобы без этого... без гадостей! Малой кровью, чтоб!

– А ты что предлагаешь-то? Отпустить? Чтоб он к нам уже военных привел?

– Нет, ну... пусть здесь посидит, связанный. Пока не закончим.

– Опасно.

– Все равно вето. Не по-человечески!

– Черт бы вас задрал! – зло выплюнул Супербий. – Значит, вето? Ладно, тогда вот вам мое решение!

Он сверкнул на Глеба линзами, высыпал из барабана все патроны, кроме одного. Крутанул барабан и вдруг, приставив дуло ко лбу Глеба, щелкнул курком.

Глеб даже заорать не успел. Между ног сделалось тепло.

– Ацедий!

Другой Кощей принял револьвер, покрутил барабан и, скорбно закрыв глаза, спустил курок.

Пусто!

У Глеба скрутило все внутренности. Сердце трезвонило. Не было сил даже разжать веки.

– Иратус!

Щелк!

– Везет чертенку! – фыркнул новый-прежний голос.

– Аварус!

Щелк!

– Инвидус!

Щелк!

Будь каждый такой "щелк" ударом плетью, Глеб был бы на седьмом небе от счастья.

– Луксурий!

Щелк!

Глеб знал, что сейчас умрет. Даже если выстрела не случится, сердце просто лопнет или выскочит через рот.

– Гулус!

– Н-не хочу! Нет! – заблеял кто-то над ухом. – Давайте, кто-нибудь вместо меня!

– Бери!

– Да какая разница-то?

– Давай, давай!

– О-ох...

Он с полминуты вздыхал и пыхтел, жамкая рукоятку в потной ладони.

В седьмой раз раздался страшный, но спасительный щелчок.

– Во те на!

– Бывает... – пожал плечами Супербий, заряжая обратно шесть патронов. – Раз в год и палка стреляет. И наоборот.

Лицо Супербия все-таки чем-то отличалось от остальных. Выражение на нем было каменное. Рот надменно изогнут. Глаза неподвижны, спокойны и злы, как у полночного филена.

– Страшно? – весело спросил он вдруг Глеба, которому минуту назад чуть не вышиб мозги.

Глеб не ответил.

– Кое-кому тут тоже за тебя страшно. Но не мне. То что ты жив – случайность, шутка провидения.

Глеб почувствовал, что уже видел раньше этого человека. Именно этого. Это он вел себя на уроках как высокомерный монарх и употреблял в речи фразы, какие Глеб встречал лишь у писателей прошлого века.

– Мы оставим тебя здесь. Может, чудо поможет тебе развязать веревки и выбраться. Но чтоб у тебя в мыслях не было нам мешать, мы тебе кое-что покажем.

– Кто мы такие, понял? – с ухмылкой спросил тот, кого, вроде, звали Аварусом.

– Мы, Глеб... э-эм... Мы все – это твой Константин Алексеевич! – объявил самый хмурый, многозначительно подняв брови. – Один человек. Одна личность. Не просто братья-семерняшки... Хотя, конечно, братья, но... более, чем.

Глеб непонимающе помотал головой.

– Каждый из нас единичка в числителе. А знаменатель – это школьный учитель К. А. Щепов, которого вы, индюки, Кощеем называете.

– Ладно, что ему, тупому, объяснять! – прервал главный. – Покажем!

Они закрыли глаза и впали в жутковатое подобие транса. Потом их веки разом раскрылись. Взгляды и лица стали неотличимы друг от друга.

– Хе-хе! – захохотали хоровым эхом все семь Кощеев. – Почтище любой страшилки на ночь!

Они говорили и двигались одновременно. Слово один человек отражался в шестерых зеркалах и звучал из шести

динамиков.

Супербий потрепал Глеба по голове, и параллельно с ним шестеро двойников потрепали пустое пространство перед собой.

– Ты не волнуйся, – продолжал говорить хор. – Мы не за фашистов и не за троцкистов, мы сами за себя. Мы, представь себе, свободный человек! Заберем то, что нам принадлежит и уйдем. Где ж тут преступление?

Шестеро смолкли и вновь закрыли глаза, погрузившись в забытие. “Живым” остался только главный.

Он глубоко вдохнул, расправил сутулые плечи. Размял шею, как человек, долго пребывавший без движения.

– А это, – теперь говорил только он один. – Чтобы ты до конца уразумел!

Он вынул из печки кочергу и без особых усилий согнул ее подковой. Потом схватил Глеба за ворот и поднял на вытянутой руке.

– Во мне сила семерых! – прорычал вожак, скаля желтые зубы. – И имя мне: Легион!

Глеб шлепнулся на пол, ударившись затылком о печь. Злодеи пришли в себя.

– Пошли! – бросил Супербий и, забыв про пленника, вместе с братьями покинул избу.

Лишь слабовольный Гулус мельком одарил Глеба сочувственным взглядом.

Глеб был один. Если не считать человеком то, что лежало рядом. Бывшего дядю Володю...

Сперва ему даже полегчало. Подумалось, что развязать веревки будет не так уж трудно. Он напряг мышцы, попробовал раз, другой, третий. Стер себе до крови запястья. Понял, что никакое спасение даром с неба не упадет.

Огонь в печке скоро потух. Нерадиво сделанная, плохо утепленная изба промерзала в считанные минуты.

– А-а гады! – заорал в отчаянии Глеб и принялся ерзать по полу, бессильно воя сквозь стиснутые зубы.

Больше все его бесил мертвец. Дядю Володю было жалко. Глеб уже решил, что, если выберется, расскажет всем, что старший лейтенант погиб как герой в неравной схватке.

Но, лежа на полу рядом с ним, Глеб вдруг ясно понял, что умереть героем нельзя. Ни благородной, ни красивой смерть быть не может – настолько она мерзкая и поганая по своей природе.

Глеб исползал проклятую избушку вдоль и поперек. Пытался разодрать путы об угол печки, о ножку стола, пробовал встать на ноги. Даже надеть обратно валенки не было никакого способа.

Сквозь серый сумрак он вдруг впервые разглядел на стене маленькую неприметную иконку. Какой-то святой или святая с нимбом над головой.

Глеб не знал молитв. Бабушка все пыталась научить, да умерла давным-давно. Молиться было самое время.

"Господи..." – подумал Глеб.

Дверь, как по волшебству с треском распахнулась.

Отвыкшими от света глазами Глеб увидел коренастую бородатую фигуру в шубе и косматом треухе.

– Во-о! – изумленно промычал незнакомец, вытаращив маленькие блеклые глаза.

Глеб хотел ответить, но от счастливого потрясения лишился дара речи.

Дед бросил в угол куль с вещами и, подойдя к Глебу, принялся развязывать тугие узлы.

– Ты чегой-то, браток? Кто ж тебя... связал-то! Это ж мой дом! Ты чего здесь... Ты кто будешь-то?

– Я Глеб! – выдохнул Глеб. – А ты... вы сами кто?

– Я э-э... житель! А тебя кто так связал-то?

– Да были тут... – прорычал Глеб, изнемогая от боли: веревка врезалась в натертое место.

– Кто это были?

– Семеро... Ну как вам объяснить?.. Враги, в общем!

– А-а... А этого-то солдата и вовсе до смерти убили, а?

– Да, – с горечью промолвил Глеб, кое-как высвобождая правую руку. – З-застрелили!

Хозяин наклонился к телу, потрогал широкой ладонью лицо. Потом зачем-то приложил ухо к груди.

– Живой он! Головой токмо крепко стукнули! Вон, кро-

вюки сколько!

– Да не-е... – не поверил Глеб. – После такого не живут.

Дед нахмурил густые брови, пощупал место, куда попала пуля, и, расстегнув шинель, вынул из-под одежды медный портсигар с дыркой посередине. Молча протянул его Глебу.

У Глеба глаза полезли на лоб. Не веря сам себе, он открыл гравированную крышку. Внутри с застрявшей в ней навеки пулей лежала невесть откуда взявшаяся медаль “За боевые заслуги”.

Радость и ярость разом охватили сердце Глеба, как две непримиримые армии.

– А-ах ты ж...

Он вертел медаль так и эдак, точно редкого жука.

– Щичас печку растоплю. Согреисся, – хозяйственно промолвил дед, не вникнув в суть дела.

Вскоре ледяная комнатка наполнилась рыжими бликами и веселым треском оживающего огня.

– А ты где был-то? – спросил хозяина Глеб, растирая ладони. – Че к тебе в избу всякие гады заходят, как к себе домой?

– А чего ж... Я ж один живу. Денег нету, воровать нече. Ружжо было – и то... Здесь, кроме зверья, никто не ходит.

Он посмотрел на Глеба грустными, похожими на круглые оловянные пуговицы глазами.

– Я ж редко хожу в село-то. Как большаки пришли, уже, почитай, вообще не хожу. Токмо на рынок людей поглядеть.

Церковь таперь пустая... А тут как-то вот летом пошел, а мне один, значить, в картузе это... грит: пачпорт! А у меня пачпорт есть, завсегда с собой ношу. Он взял и грит: не-девственный! Отобрал у меня документ. Я ему кричу: куда?! Ишь ты! Ты мне тогда новый дай! А он смеется: тебе, грит, пачпорт вообще никакой не положен! Ты, грит, кто таков, почему не отмеченный? Наглый, что твой хенерал или граф! Про колхоз чего-то начал... Ну я ему по морде хрясь! А он в крик. И начало-ося... Судили меня, на лесопилку отправили в лагерь. Три года там спину на них, кровопивцев, ломал! А я чего ж? Пачпорт-то мне по закону положен!

У Глеба медленно отпала челюсть.

– Так ты, получается, три года дома не был и щас только пришел?!

– Ага.

– Во те на! – закричал Глеб. – Вот это чудо! Да приди ты хоть завтра, я б тут окошел от холода!

– Меня Афанасием зовут, – запоздало представился спаситель, положив руку на грудь.

На полу заворочался дядя Володя.

"Очухался!"

Глеб небрежно скосил глаза, пытаясь пробудить в душе заглушенное сочувствие: как-никак, живой человек.

– Я... где? – слабо вымолвил милиционер. – Че тут...

Он попробовал подняться и сморщился от боли в груди. Закряхтел, вынул изо рта выбитый зуб, потрогал расквашен-

ный нос и ссадину на лбу. Застонал от жалости к себе.

– Вас побили, товарищ лейтенант. Сильно.

– Кто-о?

Дядя Володя страдальчески прикрыл глаза и вдруг изменился в лице.

– Погоди! Лейтенант...

– Ну вы!

– Да... Я л-лейтенант, да... А что это за место?

Глеб, опешив, рассказал офицеру о последних событиях. Дядя Володя недоуменно хлопал глазами, насупив неразбиту правую бровь.

– А то, что война идет, вы хоть помните?

– П-помню. А сколько месяцев идет?

С дядей Володей все было понятно.

– Вы пока здесь лежите. Вам идти-то никуда нельзя, – сказал Глеб, дав милиционеру охапку соломы. – Мы, как закончим, помощь вам приведем.

– Водочки нету?

Глеб и Афанасий помотали головами.

Они оставили пострадавшего в избушке, накидав в печь побольше дров и нагрев ему воды из снега.

В пути Глеб рассказывал деду о заговорщиках, об опасности, грозящей поселку. Афанасий сосредоточенно кивал и все дивился, что Глеб в свои годы "буквы разбирает".

– А ахтомобиль видел? – допытывался Афанасий. – Я видел в лагере. Ой, чудно-о!

– Нам, Афанасий, рассусоливать некогда! – пыхтел Глеб, в четвертый раз преодолевая проклятый путь. – В поселок надо! Они там такого натворят...

– Леворьвер, гришь, у них есть?

– Есть и не один. У них динамит есть! Что угодно могут взорвать, хоть склад, хоть школу, хоть...

Из леса донесся ни то вой, ни то рев. Как будто резали взрослого теленка, завязав ему морду.

– Человек кричит, – не сомневаясь, сказал Афанасий.

Они поспешили на звуки.

Привязанный к раздвоенному стволу дерева тонкой, но прочной веревкой, в паре метров над землей висел, корчась и извиваясь, один из Кошеев. Очки, шапка и рукавица валялись в снегу. Вторая рукавица торчала изо рта. На лбу крупными буквами химическим карандашом было выведено: "трус".

"Ни хрена себе!" – мысленно поразился Глеб. – "Своих не жалеют!"

Впрочем, если б не жалели, кричать было бы некому.

Он достал нож и, взобравшись на дерево, срезал учителя, так что тот с воплем рухнул в руки Афанасию.

– Я не тот... н-не старший! Гулус – мое прозвище, Гулус! Самый добрый! Это я всегда такой веселый был! Никого не обижал, отдувался за всех!

– Ты в меня...

– Не хотел, не хотел стрелять! Отказывался, помнишь? Я

ж от природы жалостливый! Я бы тебя вообще отпустил, если б вес в семье имел!

– Пошел ты! – огрызнулся Глеб. – Все вы, сволочи! А ты трус, к тому же!

– Ну уж извини! Сын за отца не отвечает, а брат за братьев – тем более!

– Да вы кто, вообще, такие?! – заорал Глеб, замахнувшись ножом. – Откуда вы, черти, вылезли?!

– Мы э-э... М-мы... В целом мы Константин Алексеевич. Гулус явно не мог выдать более точного определения.

– Имена у вас есть?

– Нету! И никогда не было. Только одно на всех.

– А в документах как же? – нашелся Глеб.

– Нет у нас документов. Один паспорт на семерых. Одно имя, один паспорт, один человек. И все! Мы всемером родились. Мать умерла. А отец, трехнутый дурак, захотел нас в одну личность смешать! Скрыл от общественности. Вот, у него один сын и точка!

– А как же вы живете?

Глеб чувствовал, что его голова сейчас отвалится от таких открытий.

– По очереди. Один живет, шестеро в подполе сидят. В шахматы режутся, носки штопают, книги читают... Потом на следующий день другой. Потом третий, и так далее. Зато, как жизнь простую человеческую ценишь, когда только один день в неделю солнце видишь! – он с лукавой ухмылкой под-

нял палец. – А сколько всего можно успеть, пока свободен, у-у... И вором первоклассным можно стать, так что никогда голодать не будешь. И науки освоить, и языки изучить. Семью жизнями живешь, в семь раз больше свободного времени! Отец нам даже клички друг-другу запрещал давать. Старый бес! Хотел, чтоб мысли читать научились! Чтоб как головы у змея... И научились же, хе-хе! Правда только вблизи.

Он ненадолго замолчал, переводя дух. В его глазах пылал азарт долгожданного предательства.

– Да-а... Вот так мы и выросли. Семеро. Семь осколков одной личности. Старший... хотя какой он, к ляду, старший! Иратус раньше родился! Создал себе культ, Наполеон хренов! В общем, Супербий гордый, как черт знает кто! Кесари отдыхают! Другой злобный. Третий жадный. Четвертый завистливый. Пятый унылый. Шестой бабник, каких поискать. Вот ведь шутка! У самого даже имени нет, а баб находит! За десять верст к ним бегают!

– Я чего-то вообще не пойму ничего! – прогудел Афанасий.

– Погодь! – прервал Глеб. – То есть, вы как будто один человек?

– Да, да!

Глеб тихо присвистнул.

"Это что ж за личность такая выходит: гордый, злой, жадный?.. Тьфу! Это он на своих злобу срывает!"

– Ну а ты-то сам, ангел что ли?

– Покушать люблю, – жалко признался Гулус. – Поесть... Ни разу в жизни нормально не ел. Голод проклятый! Я ведь от этого нашу власть так славословлю! Как поорешь за партию и за товарища Сталина, так вроде и желудок полон. Деда мороза тоже я играю. Тоже праздник, радость – пища как бы для духа. Других-то силком туда не затащишь!

Взгляд его вдруг сделался диким и молящим, как у бездомного кота.

– Что ж за наказание, а! У всех остальных страсти духовные, а я один физически мучусь! Я ж только об этом мечтаю! Чтоб внутри не жгло! Так бы я их послал к черту на рога с ихним планом!

– План! – воскликнул Глеб. – Что за план, рассказывай!

– Ну, ну, ну, щас! Это ж только присказка, сказка впереди! Вообще, когда наш папаша дубу дал, решили мы, что, наконец, свобода. Там как раз царский режим рухнул, неразбериха, гражданская война... Разошлись мы в разные стороны, пожили немного сами, да и поняли, что ни черта у нас не получается в одиночку жить. Нету опыта! Сошлись обратно вместе, пошли работать в школу, завели жену, такую, чтоб дура дурой, для отвода глаз. Ну вот... А отец у нас был немножко ну... гений или колдун, черт его знает. Придумал способ, как из грунтовой воды золота нацелить. Ты знаешь же, что в воде золото содержится? Только очень мало. А он придумал способ вырастить из него золотую гору! Что-то там через кристаллизацию... не суть. Сконструиро-

вал аппарат, хотел воплотить, да не дожил. Ну а мы, значит, сами по его чертежам. Чтоб золото вырастить нужно лет... Господи, сколько ж уже прошло-то? Лет десять-двенадцать нам потребовалось. Накопили бочку золота, а кому его сбывать? Мы ж... *они* ж надеялись (я-то сам в этом не участвовал) что большевики вот-вот того. И снова капитализм, собственность, набивай карманы! А советская власть стоит, как вкопанная. Значит, надо искать внешние рынки.

– Какие? – не понял Глеб.

– Внешние. Кто у нас за океаном золото больше всех любит?

Глеб недоуменно заморгал.

– Вот-вот! Они самые!

– Да к-как же вы туда доберетесь?

– А мы связались кое-с-кем. Да-с! Пароходик контрабандистский нас... то есть *их*, братьев моих, поджидает. Уже обговорен маршрут, транспорт, место встречи. Страна-то большая! Ее хоть всю колючкой обмотай, а лазейки-то останутся!

Гулус самодовольно фыркнул, словно до сих пор был полноправным членом шайки.

– А бомбы вам зачем?

– А с бомбами отдельная песня. Мы золото растили под землей, целый тоннель к источнику выкопали. Хотели, когда закончим, бочку по тоннелю в дом переправить. Вымостили пол, сделали каток и вдруг – бац! Обвалился тоннель. Да так, что не раскопаешь. Ну... расковыряли мы себе про-

ход к золоту, а само золото назад уже не протащить. Узко! Значит, надо что? Взрывать потолок и поднимать груз на поверхность. А как это сделать, если грот в аккурат под главной улицей? Хоть днем, хоть ночью народ за секунду сбежится. Тут-то наш старший и придумал... иллюзион. Ты в цирке был когда-нибудь? Фокусников видел?

Глеб помотал головой.

– Когда чародей тебе трюки показывает, а это на самом деле оптический обман и ловкость рук. Вот и он придумал создать видимость, как будто враг напал. Чтоб население переполошить, чтоб все разбежались и по подвалам попрятались. Особенно менты. Пустить в поселке дезинформацию – раз. Заложить заряды по окраинам: ну вроде как артобстрел (благо зима, огнепроводник под снегом не виден) – это два. Надежная машина и подъемный механизм – три. Все рассчитано по минутам. Мы ж военный склад ограбили! Чуть с жизнями не расстались. Добыли себе тротила, пороху, боеприпасов. Только оружия – раз, два и обчелся: незадача! Бикфордов шнур кольцом проведен от одного заряда к другому. Самый длинный в мире!

– Черти! – спохватился Глеб, вскакивая на ноги. – Когда ж твои начнут?

– Вот щас стемнеет и начнут, – ехидно улыбнулся Кошай. – Точнехонько перед Новым годом!

– Пошли! – крикнул Афанасию Глеб. – Веди этого!

– Раньше был Константин Алексеевич, а теперь "этот"! –

смиренно усмехнулся Гулус. – А знаешь еще что?

– Что?

– Я те еще один секрет открою. Только не упади. Там далеко в чаще овраг, мы туда целую стаю волков загнали.

– Видел. И для чего? – нахмурился Глеб.

– Ацедий, химик наш, придумал порошок, от которого собаки звереют. Ну и волки соответственно. Помнишь, Михал-Свиридыча его пес чуть не сожрал? Это эксперимент был! Ну так вот: огнестрела у нас мало, а впереди на дороге блокпост. И станция, понятно, под охраной. Так что волков мы... тьфу, *они* для этой цели голодом выдрессировали. Чтоб служакам на станции, когда приедем, было не до нас. Вот такой вот туз в рукаве!

– Дурацкий какой-то план... – проворчал Глеб.

– Да, хе-хе! Совершенно идиотский! И гениальный! Только такой и сработает!

– Тебе-то какое дело, сработает или нет? – небрежно бросил Глеб.

– Никакого. Я уже со своей судьбой смирился. Мне бежать некуда. Все равно, в этой жизни ничего, кроме мучений...

Глеб по голосу понял, что он врет.

Метель в поле уже заметно поутихла. Резвилась поземка. Ветер беззлобно трепал по спине.

Афанасий вел учителя, сурово держа его за шиворот, как нашкодившего юнца. Глеб шагал позади, злясь на вязнущие в снегу валенки. Шапка Кощея была у него в руке.

“Побежит – шмальну из рогатки в затылок!”

Вернувшись в поселок, Глеб быстро убедился, что первая часть злодейского плана уже приведена в действие. На перекрестке у дверей милиции толпились встревоженные люди с белыми листовками в руках.

– Товарищ, откройте! – басила женщина-фельдшер, барабаня в дверь тяжелым мужским кулаком: – Мы хотим знать, что происходит! Где ваше начальство?

Из двери высунулся инвалид дядя Коля, которого милиционеры посадили дежурить.

– Нетуть! На операцию уехали! Идите в поссовет! – прохрипел он и снова запер дверь.

– Вы это бросьте! Мы имеем право! Что ж это, снова-здорово, начальство бежит, а нас на растерзание бросают?!

– Тише, Клава! – прошамкала старуха в колючем платке. – Разгугарилась! Шея не дорога?

– Где товарищ лейтенант? – не унималась фельдшерица, тараща сердитые глаза.

Глеб увидел школьного истопника седоусого Клима Климыча.

– Здрасьте!

– А-а! А ты чего не в школе? Ой! – вздрогнул Климыч при виде Кощея. – Константин Алексеич! А я думал вы это... там...

– Что там написано? – спросил Глеб, указав на листовку.

– Жуть какая-то. Ты ее не бери.

Глеб вырвал листок из его пальцев.

– Не читай, сказал! Вражеское! Константин Алексеич, вы, что ль, ему скажите!

“Граждане города!” – гласил напечатанный текст. — “Командование Германской армии сообщает вам, что близ вашего города высадился десант наших специальных войск. Штурм начнется вечером в 19:00. Во избежание жертв среди населения предлагаем вам немедленно покинуть свои дома и укрыться в лесу.”

– Белиберда какая-то! – проворчал Климыч. – Откуда им здесь взяться? По воздуху на еропланах, что ль, прилетели?

– Может, провокация? – пожал плечами Кощей, украдкой выдернув у Глеба свою шапку.

Глеба как током шибануло. Он понял вдруг, что без милиции никто во всем поселке не докажет, что Кощей – враг. Все население будет на его стороне. На стороне учителя!

Константин Алексеевич насмешливо скосил глаза на Глеба и стряхнул с себя руку Афанасия.

– Чего тебе? – рявкнул он. – Нету у меня папирос, нету! Иди, куда шел!

– Ох ты... – опешил Афанасий.

– Пошли, я тебя к матери отведу! Ух, задаст она те жару! – он взял Глеба за шиворот и поволок по улице.

– Да ты... это! Вор! – без сил закричал Афанасий. – Я т-тебя! Ишь!

– Пить надо меньше! – огрызнулся Кощей и тихо захихи-

кал от радости.

– Он же враг! – воскликнул Глеб. – Афанасий! Ну скажи ты им, ты же все видел!

Дед растерянно шлепал губами, словно лишился дара речи.

Глеб хотел крикнуть людям, но Кощей взял его за ухо и крутанул так, что искры заплясали в глазах.

Не отпуская ухо, затащил в безлюдную улочку.

Глеб тщетно пытался высвободиться. Учитель прижал его к забору и, злобно озираясь, нашарил в кармане что-то похожее на колотый сахар светло-серого цвета. Затолкал Глебу в рот.

– Глотай! Ну!

Глеб проглотил кисло-горький кубик, чувствуя, что задыхается – ладонь Кощей, зажала ему рот и нос.

– Во-от! Не бойсь, не помрешь. Ацедию привет! Щас ты от этой штучки на луну улетишь!

В глазах у Глеба, и правда, тут же поплыло. Ноги стали подкашиваться. Дома и деревья вертелись и менялись в размерах.

Как сквозь залитое дождем стекло видел он свой дом, мать, открывшую дверь.

– Здра-асьте! – донеслось мерзкое эхо Кощеева голоса. – В поле его нашли! Чуть насмерть не замерз! Жар сильный, бредит!

– Сыночек мой! – защebetала мама. – О-ой, спасибо вам!

Господи, спасибо!

– Да не за что. Слава богу, что жив!

Глеб не знал, сколько прошло времени с тех пор, как он оказался дома: полчаса, час, три часа... По потолку сновали тени, в голове шумело море. Кажется, он пел какую-то песню и чувствовал, как мать заливает ему в рот теплую воду.

Потом он забылся, а когда открыл глаза, увидел темное окно и сразу вспомнил про время.

– Мам!

– Лежи, лежи! – выдохнула мать. – Ох дурак ты, дурак... Куда пошел в мороз, один... Я из-за тебя на работу не вышла, людей переполошила.

В дверь начали стучать.

– Чего надо, собакам! – рыкнула мать. – Щас!

Глеб приподнялся на печи, посмотрел на игравших на полу сестер.

– Как дела?

– Мы думали, тебя волки съели, – хмуро промолвила Рая.

Галя одарила его красноречивым взглядом, не сказав ни слова.

– Не пойду никуда! У меня сын болен! – долетел из сеней раздраженный мамин голос.

– Ты послушай, Катерина! – тревожно бухтела соседка. – Милиционеры вернулись, говорят лейтенант пропал: то ли убили, то ли чего – не ясно. И телефонный провод кто-то перерезал. Не к добру это! Не зря ночью листовки-то разве-

сили.

– Да что ж за напасть такая! Не могу я щас никуда!

– Председатель всех зовет! Может, еще обороняться придется!

– У-ух, пропади оно!

Мать вернулась в избу, в гневе надевая телогрейку:

– Я на собрание пойду! Чтоб с печки ни ногой, понял!

Глеб с готовностью кивнул. Через минуту он остался наедине с сестрами.

– А мы маме все ска-ажем!

– Скажем, скажем!

– Да на здоровье! Ябеды! – буркнул Глеб и, одевшись, выскочил во двор.

Чувствовал он себя неплохо, если не считать легкого головокружения. Хотелось верить, что дрянь, которой его накормил Кощей действительно безвредна.

"19:00 – это по-вечернему, семь. Ох, кабы знать, сколько еще осталось!"

Едва Глеб подумал об этом, как где-то на другом конце поселка грохнул взрыв. Потом второй. Потом третий и тут же четвертый. Будто один за другим падали снаряды.

Глеб припустил, что было мочи. Надо было скорей добраться до поссовета, раскрыть всему поселку, что происходит, рассказать про клад и про иллюзион.

Навстречу ему уже бежали из домов и по домам перепуганные люди: бабы, старики. Кто-то спасать детей, кто-то во-

оружаться, кто-то прятаться в погреб.

Вдалеке густо и страшно затараторили автоматные выстрелы. Казалось, на поселок наступает целая рота.

"Это еще что?!" – подумал Глеб, с перепугу упав на живот.

Пальба смолкла так же внезапно, как и началась.

Где-то над крышами уже занималось багровое зарево.

Не любил Глеб по жизни ругаться, но тут скверные слова сами полетели с языка.

Новые взрывы.

"Какой иллюзион! Это ж война настоящая! Весь пороховой склад сюда притащили, гниды!"

Глеб вдруг ясно вспомнил каменное лицо и сумасшедший взгляд Супербия.

"Может, он ради удовольствия это все?.."

Навстречу верхом на лошади стремглав летел Ермолаев. Глеб еле успел отскочить.

– Че под копыта лезешь! – заорал милиционер.

– Я... это...

– Погодь! Это ты, что ль?! – Ермолаев узнал его. – А где наш-то, старший лейтенант? Че с ним?

Глеб вдруг вспомнил про оставленных дома сестер, и ему совершенно расхотелось отвечать на дурацкие расспросы.

– Мы ж вас через весь лес...

Взрыв, пальба – уже с другой стороны.

– Твою ж мать, сколько их там?! – вскричал Ермолаев, чуть не упав с забившейся в панике кобылы. – Давай, дуй,

а то убьют!

Он ускакал прежде, чем Глеб успел открыть рот.

Глеб ждал, что сестренки будут плакать, но те как будто даже ничуть не испугались. Ни та, ни другая сроду не боялись грома летом, который часто звучал пострашнее далеких взрывов.

– Там воюют? – спросила Рая.

– Не-е... Это хулиганы из моей школы устроили. У нас тут ничего не грохнет, не бойтесь. Щас мамка придет!

Он подмигнул малышкам и бросился на улицу. Голова напряженно работала.

Глеб знал, где живет Константин Алексеевич... Точнее живут те, кто все это время им притворялся.

Идти туда было до мурашек страшно, с собой позвать некого. Медлить нельзя.

"Афанасия бы встретить!" – тоскливо подумал Глеб.

Странная сила влекла его в логово злодеев. Не ненависть, не жажда славы, не чувство справедливости. Это было желание ухватить страшную тайну за хвост, не дать семиголовой змее уползти во тьму, вытащить эту гадину на белый свет и предьявить миру. Даже волшебный клад ни на миг не занимал его мыслей.

Глеб петлял по закоулкам, скакал через заборы, коротая путь к дому Кощеев. Взрывные раскаты стихли, и в дрожащем воздухе разносились крики жителей, плач детей и лай редких собак.

Оглушительный треск разодрал слух. Глеб упал в сугроб и в ужасе оглянулся. В двадцати метрах от него под забором внутри пылающей кучи соломы искрилась и стреляла во все стороны коробка с патронами. Шальные пули кромсали дерево, били стекла в окнах, жужжали над головой.

Глеб принялся уползать от палящей коробки, как пехотинец от вражеского пулеметного гнезда. Укрылся в канаве. Теперь он знал все детали бесподобных Кощеевских фокусов!

Добравшись до кособокого сумрачного домишки с флюгером-вертушкой, Глеб, наконец, перевел дыхание.

В окнах тьма.

“Никого, значит... Да и че им шас там делать?”

Держа наготове нож, Глеб заглянул сперва в окошко, потом в дверь.

В углу сидела на табуретке, грустно уставившись в окно, жена Кощеев.

– Ко-константин Алексеевич дома? – запинаясь, выдал Глеб.

– В подполе, – не глядя на него, равнодушно промолвила жена. – Сколько их там не знаю. Может, один, а может все... Не любят они меня! Уехать хотят.

Глеб перевел взгляд на черный люк в полу. Вряд ли кто-то мог его там ждать.

С позволения хозяйки он взял свечку и, замирая от волнения, спустился по ступенькам вниз.

Это был целый подземный бункер с тремя комнатами. Здесь имелись полати и кровать (видимо, для старшего), обеденный и письменный столы, четыре самодельных, ломящихся от книг, шкафа, банки иностранных консервов, умывальник, граммофон, печатная машинка, химические принадлежности: колбы, пробирки, змеевики, горелка и даже кинопроектор с бобинами в специальных боксах.

В стене одной из комнат угрюмой пещерой зиял лаз в треть человеческого роста.

“Ну че, трус, давай!” – мысленно приказал себе Глеб. – “Зря пришел, что ли?”

Он полез по тоннелю, холодея от страха и тщательно вслушиваясь в могильную тишину. Пол был устлан прогнившими досками. С потолка свисали паутинные лохмотья. Впереди не было видно ни зги.

Неизвестно сколько времени потребовалось Глебу, чтобы добраться и почти на четвереньках пролезть в совсем уж узкую нору, вырытую там, где случился обвал почвы. Свеча давным-давно потухла, Глеб продолжал ползти дальше из чистого упрямства.

Впереди забрезжило. Послышались голоса. В рыжем свете лампы-коптилки Глеб разглядел громадный чудной аппарат, чем-то напоминающий самогонный. Двое Кощеев, кряхтя, помогали вытянуть наверх тяжеленный бочонок с бетонным дном.

– И-их! А у нас шины не лопнут?

– Не должны!

– М-может, все-таки, надо было п-попилить золото и п...
ф-фу! По кускам вынести?

– Ценность упадет!

– Зато не так опасно!

– Ты че, С-супербия огорчить решил? Испортить Новый год старшему брату? Он сколько лет об этом мечтал – людишек несчастных погонять!

Бочка скрылась в потолке.

– Вылазим!

Оба брата быстро вскарабкались наверх по переносной лесенке.

Глеб услышал гул заводящегося грузового мотора.

Потом сверху в грот упал какой-то дымящийся сверток. Глеб сразу понял, что это значит. Судорожно пополз назад.

Мощный взрыв дохнул в лицо раскаленной пылью и дымом. Уши заложило. Он едва подавил в себе кашель.

Теперь от золотогогонного чудо-аппарата остались рожки да ножки. Враги похоронили свой секрет.

– Все, порядок, едем! – донеслось сверху.

"Порезать им шину!" – осенило Глеба в тот же миг.

Он бросился к лежавшей на полу лесенке, приставил ее к дыре в потолке и, слыша над головой рев отъезжающей машины, зажав нож в зубах, вылез на поверхность.

Поздно! Огромный чудовищный автомобиль, весь покрытый листами брони, разрисованный крестами и черепами, с

пулеметом на крыше, поехал по улице к центру, затем, своротив плетень, кое-как развернулся и, грохоча, ринулся прямо через дворы прочь из поселка, в сторону далекой железной дороги.

Глеб только и мог, что смотреть ему вслед.

Волнение, усталость и горечь бессмысленного приключения настолько измотали Глеба, что он брел домой наобум.

Поселок потихоньку оживал. Люди выглядывали из дверей, выходили за ограды, ища глазами колонны марширующих врагов. Где-то что-то горело. В ветвях возмущенно орали вороны.

Потом Глеб встретил Ваньку Зимогорова, который во время заварушки ходил рубить хворост. Они пошли вместе.

– Че, струхнул? – спросил Глеб.

– Да нет, не стреляет же никто. А если чего, в лес убежим, только нас и видели. Я с братом две ночи однажды зимой в лесу сидел, и ниче, жив-здоров.

– Да нет тут никаких немцев.

– Как это нет? А кто ж тогда бомбил?

– Узнаешь. Я б те сказал, да...

Они проходили мимо школы, когда Глеб увидел вдруг выходящего из дверей Деда Мороза в очках, с висящей набекрень бородой.

Глеб остолбенел.

"Что ж он не сбежал, гад?!"

Взревев от веселой ярости, Глеб бросился на Кощея, ко-

торый при виде его совершенно оторопел и начал поднимать руки, словно хотел сдаться. Ни сопротивляться, ни бежать он даже не думал.

Ударом головой (этот прием не раз выручал его в драках) Глеб повалил учителя на землю и, ликуя, сорвал с него ватную бороду.

Кощей что-то недоуменно залепетал, осовело хлопая глазами, и Глеб вдруг понял, что негодяй смертельно пьян.

– А ну! – заорал над ухом знакомый прокуренный голос.

Клим Климыч схватил Глеба за шкурку и оттащил от Кошея.

– Совсем сдурел окаянный! На учителя! Я те дам! Я тя...

Он не давал Глебу вырваться. Кощей, стеноя, пробовал встать на ноги и тщетно искал слетевшие очки.

– Чего на учителя кидаисся?! Ошалел, щенок?!

– Глебыч, н-ну т-ты даешь! – ошарашенно проговорил Ванька.

Глеб тяжело дышал сквозь сжатые зубы, не говоря ни слова. В ту ночь он твердо решил не верить больше ни в кого и ни во что.

Доехав по ухабистой лесной дороге до места близ волчьего оврага, автомобиль остановился. Братья повыскакивали наружу.

Они в две минуты сорвали с машины броню, сделанную из досок и ткани, сбросили с крыши деревянный пулемет.

Броневик превратился в обычный серый фургон, который они год назад угнали со стройки в Ижме.

Волки, чуя своих мучителей, в изнеможении зарычали. Ацедий накидал им мяса, пропитанного "озверином".

Между тем Супербий и Аварус, расшвыряв груды занесенных снегом еловых веток, вытащили из тайника тушу лоса без ног и головы. Быстро и крепко привязали ее внутри фургона и вывалили наружу. Мерзлое мясо свисало из кузова, распространяя вокруг себя неудержимо влекущий, понятный лишь волчьему носу запах крови и того сумасшедшего вещества, которое в числе прочего изобрел Ацедий.

Иратус, Инвидус и Луксурий сделали из досок подобие пандуса, сняли натянутую по краям западни колючую проволоку и, спустив доски в овраг, сломя голову бросились к машине.

Взревел мотор. Занятые мясом, волки не сразу сообразили, что к чему. Потом поняв, с осатанелым лаем, черно-серым потоком хлынули из ямы, чтобы кусать, грызть и рвать все, что догонят.

– Бегут, собачки, бегут! – радостно возвестил Иратус, видя из окна кабины высыпающую на дорогу стаю.

Супербий перестал давить на газ, чтобы звери не потеряли из виду свою цель.

Сидевший в кузове Луксурий вдруг сорвал с головы шап-

ку и, лихо приплясывая на трясущемся полу, заорал:

Если, граждане, угодно,
Расскажу вам, что да как!
Я из гущи, из народной,
Хоть папаша мой кулак!

Братья оживились. Аварус достал из кармана губную гармошку и принялся дудеть. Инвидус заиграл на воображаемой балалайке. Ацедий захлопал.

Если скажет рать святая,
Что в Рассее будет рай,
Я скажу: не надо рая,
Подышать мне, сука, дай!

– Так ты подышать хочешь? – с каким-то яростным полу безумным восторгом закричал Аварус.

Он схватил брата за загривок и сунул головой в открытые двери навстречу бегущим по пятам метрах в сорока волкам.

– Во-от, дыши! Дыши, дыши свободой! Без пяти минут американец!

– Братья! – торжественно воскликнул Инвидус. – Вы хоть понимаете, что происходит! Свобода! Конец старой жизни! Мы смогли, и мы получим все, что хотели! Мне денег, тебе девок, тебе... дачу у моря!

– Ладно! Не делите шкуру, пока медведь жив! – осадил их Ацедий, хмуро потирая замерзшие пальцы.

Все тут же присмирели, вспомнив о предстоящем. План был выполнен в лучшем случае лишь на треть.

Приближаясь к железной дороге, Супербий затормозил. Волки, запыхавшись, сильно отстали, но продолжали идти по следу, влекомые сильнейшими запахами.

Старший погасил фары. Вынув бинокль, взглянул наступающие в свете редких огней очертания станции.

– Ч-черт! – простонал он. – Там поезд!

– Чего?! – Иратус в смятении выглянул из кабины, щуря глаза.

– Поезд, задери его в доску!

– Та-ак! Поезд... Так, так, так! – засуетился Иратус. – Меняем план, значит?

– Сукины дети, ни раньше ни позже!

– Придется отложить? А волков куда?

– Твою ж...

– Ну так чего?

– Нет!!! – заорал Супербий страшным голосом. – Берем его шас!

– Ты че?! – брат чуть не подскочил на сиденье и в ужасе вытаращил глаза. – Это ж... Ты... П-постой! У нас же план был: приезжаем, чикаем охрану, надеваем их форму, ждем...

– Сейчас! – Супербий вжал педаль и помчал машину к станции.

Позади уже вновь бежали, высунув языки, подоспевшие волки.

На КПП двое сонных солдат с недоумением смотрели на приближающийся грузовик, ожидая, что он вот-вот остановится.

Один запоздало поднял винтовку и в следующий миг чуть не попал под колеса.

Второй раскрыл рот, хотел выстрелить вслед, но вдруг заметил, что мимо черной тенью пронеслась здоровенная пси-на. Потом еще и еще.

Мощные лапы ударили в спину. Если б не поднятый задубелый воротник, острые клыки в два счета разодрали б ему шею.

Солдат извернулся, вскочил, увидел как товарищ, давась криком, захлопнул дверь будки.

Сам не вспомнил, как очутился на крыше той же будки без шапки и одного сапога в окружении щелкающих зубов и горящих глаз.

Машина влетела на перрон, лязгнув рессорами. Проехала по костру, подняв огненный вихрь и каким-то чудом не задавив гревшихся вокруг людей. Те метнулись в стороны, как зайцы от филина.

Фургон развернулся. Скрежеща по льду шинами, подал назад и врезался кузовом в одну из платформ состава, на которых стояли только что вышедшие из цехов танки.

С помощью пандуса братья закатали бочонок на платфор-

му. Аварус, Инвидус, Ацедий и Луксурий, получив двухсекундный инструктаж, перемахнули через платформу и спрятались за танком.

В это время Супербий с Иратусом проехали к локомотиву (тот, по счастью, уже пускал пар, готовый к отходу) выскочили из машины и, забравшись в паровозную кабину, начали тыкать машинисту и кочегару в лицо револьверами.

Кочегар тут же оценил ситуацию, сиганул в окно и бросился в лес. А вот машинист повел себя странно: увидев лица незнакомцев (именно лица, а не наганы), он раскрыл рот и заорал во всю глотку, пуча маленькие сумасшедшие глаза. Перекрестился, бросился бежать, стукнулся лбом о какой-то вентиль, подскочил, кинулся на братьев, чуть не сбив обоих с ног. Супербий огрел его рукояткой. Мужик упал на пол, начал ползать, причитая:

– О-е-ей! Матюшки!

– Вперед! Давай! Поехали! – хором орали на него Иратус и Супербий. – Давай, вставай! Сдохнешь, падла!

Машинист, совсем обезумев, хотел улезть от них прямо в печь.

Супербий, видя, что мужик рехнулся, велел брату его заткнуть и, схватив лопату, сам принялся швырять в печку уголь.

Паровоз медленно, но верно приходил в движение. На станции стреляли. По перрону носились волки.

– Послал бог идиота! – шипел Супербий, поглядывая на

притихшего в углу пленника.

Тот, получив по голове второй раз, ушел вдруг в полную прострацию, сидел на полу и что-то шептал себе под нос, покачиваясь и тупо глядя в одну точку.

Супербий кое-что знал об управлении паровозом, но обойтись без профессионала было нельзя.

“Ничего, оклемается...”

Состав разгонялся. Станция осталась позади, синие шапки леса все резвее бежали мимо.

Супербий передал лопату Иратусу, наклонился к машинисту и вкрадчиво произнес:

– Если ты не соберешься, не возьмешь себя в руки, я разможжу твои куриные мозги. Ты это понимаешь?

– Черти... – слабым голосом пролепетал мужик.

– Да-а! Мы черти! А теперь вставай. Ну!

Машинист с трудом поднялся на ноги, с видом обреченного раба подошел к приборам.

– Присмотри за ним! – велел Супербий брату. – А я поищу этих...

Он вылез из кабины, рискуя упасть, взобрался на тендер, пробежав по углю, спустился на платформу и двинулся в поисках братьев.

Те уже сами спешно пробирались к паровозу, то и дело оглядываясь и пригибаясь.

– Солдаты! Охрана в теплушках! Идут сюда!

Над головой Супербия вжикнула пуля.

Он разглядел стоявшего на крыше дальнего грузового вагона красноармейца с винтовкой.

– Бар-раны! Там же наше золото! Отцепите вагон!

– Как его отцепишь, он же привинчен? – взвизгнул Инвидус, прячась за танком.

Старший вынул из сумки увесистую гранату на толстой ноге.

– Вот!

Аварус трижды выстрелил в солдата из револьвера, и тот, не геройствуя, залег.

Они, ругаясь от страха и злости, кинулись обратно. Ацедий, у которого была трехлинейка прикрывал других, паля по бегущим по крышам фигурам.

Добравшись до драгоценной бочки, Луксурий, дико тараща глаза, выдернул из гранаты предохранительный шплинт и всунул ее рукояткой в щель сцепки между вагонами.

– Сюда! Прячься!

Танковая броня спасла их от взрыва.

Невыносимо, издевательски медленно, но все же неуклонно оторванный хвост начинал отставать.

Когда солдаты подоспели, их разделяли уже десятки метров. Красноармейцы расстреляли свои обоймы, потом стали браниться и грозить кулаками.

– Бывает, ребятки! Все бывает в жизни! – смеялся Аварус, размахивая на прощание шапкой. – Привет главнокомандующему от нашего клуба!

Поезд бежал все дальше и дальше, постоянно набирая скорость и победоносно свистя. Очень скоро отставшие вагоны растворились во мгле.

– У меня идеяка нарисовалась... – загадочно начал Инвидус, провожая врагов довольным взглядом.

Он обернулся и в миг забыл про свою идеяку.

В грудь ему смотрело дуло нагана в руке Аваруса.

– Вы че?!

– Прыгай!

– Чего?!

– Давай, давай! Вслед за Гулусом.

– Ребята!

– Это не обсуждается.

– Это общее решение, – качнул головой Ацедий, тоже держа наготове винтовку.

– Предатели!

– Пошел!

Он сверкнул на братьев яростными глазами и, прошипев проклятье, с разбегу бросился в снег.

Не говоря ни слова, Аварус, Ацедий и Луксурий двинулись к паровозу.

– Был и нету, – мрачно проворчал Аварус. – Забыли!

Когда до локомотива оставалась одна платформа, на куче угля в кузове тендера возникли фигуры Супербия и Иратуса.

Трое в недоумении остановились. Забарабанили выстрелы. Братья едва успели спрятаться за танком.

– Предатели! – в шоке прохрипел Аварус.

Они вдруг вспомнили, что истратили в перестрелке почти все патроны.

– А-а пропади все! – плаксиво заорал Луксурий и прыгнул с платформы в ночь.

Когда Супербий с Иратусом подошли, Аварус, прежде собиравшийся драться, вдруг встал на колени и забубнил тоном непонятого праведника:

– Братья, друзья, товарищи! Что ж это? Если провинился, так скажите, в чем? Нельзя же ведь вот так...

Старшие без церемоний схватили его за тулуп и, подтащив к краю, пинком отправили догонять братьев.

Надвинулись на Ацедия.

– Стоять! Я сам! – выдохнул тот и, скорбно взглянув на небо, был таков.

Они вернулись в кабину, похлопывая друг-друга по плечу. Дурак-машинист как заведенный швырял в печку уголь.

– И как его на такую должность назначили? – хмыкнул Супербий.

Пару минут царило молчание. Потом Супербий, не поворачиваясь к брату, сказал:

– А почему ты уверен, что я не сделаю с тобой то же, что мы сделали с ними?

Иратус озадаченно насупил брови.

– Или нет! – вдохновенно продолжал старший. – Перевернем ситуацию. Почему я не должен бояться тебя?

– Ну... Мы же поклялись друг-другу на крови.

– Положим.

– В одиночку ни ты, ни я не справимся с золотом. Его ж тащить еще до места встречи.

– Ну это совсем близко. Дальше?

– Слушай... – растерялся Иратус. – Ты же у нас... у меня главный! Старший! Не по возрасту, н-но не суть. Это ж ты все придумал, обдумал, просчитал! Ты же блестящий стратег! Ну куда я без тебя?

– То есть, ты ради меня готов даже на жертву?

– М-м... Пожалуй, что...

Супербий врезал ему по уху рукояткой нагана.

– Тогда вон отсюда!

Иратус пошатнулся, но устоял.

– А-ах, ты!

Зеленя от злости, бросился на брата.

Они сцепились как два бешеных пса. Супербий был проворней и платил брату по три удара за один. Но справиться с объатым гневом Иратусом было непросто.

– Ж-жаба задушила, гад?! – проклокотал Иратус, когда брат припер его к стенке и начал душить.

– Я те не Аварус!

– А что же тогда?!

Супербий оторвал его от стены и с размаху ткнул лбом в какой-то манометр.

– Я хочу, чтоб вас не было! Жалкие копии! Всегда вас

ненавидел!

Лицо Иратуса заливала кровь. Он уже не мог нормально видеть и еле держался на ногах.

Супербий взял его за грудки и попятил к выходу.

– А ты-то кто без нас?.. – простонал брат.

– Вы никто! И со мной, и без меня!

Он бросил Иратуса в бегущий водопад под колесами снежный поток.

Сплюнул, вытер разбитую губу, подобрал очки. Оглянулся на машиниста, все это время безучастно наблюдавшего за схваткой. Закурил. Не ожидая никаких сюрпризов, посмотрел вперед.

Рельсы крутой дугой забирали влево. Впереди был ни то мост, ни то высокая насыпь. Поезд летел на всех парах и уже начинал опасно ходить из стороны в сторону.

Супербий спохватился.

– Куда ты разогнал, козел! Тормози!

Машинист ошарашенно повертел глазами и вдруг, понимая и как-то даже по-житейски ухмыльнувшись, со всей силы дернул тормозной кран.

Поезд заплясал на рельсах, визжа тормозами, как черт на раскаленных углях. Сорвался с путей, покатился кубарем, путаясь в собственных вагонах и колесах.

Машинист улетел в сугроб, выпорхнув из паровоза, как пташка из клетки.

"Зо-олото-о!!!" – заорал в мыслях Супербий, летая по

кабине, расшибаясь о приборы и падая вместе с паровозом, платформами, танками и бесценным грузом в какую-то скверную пропасть.

Константин Алексеевич кашлянул в носовой платок, высморкался в него же и нетерпеливо забарабанил пальцем.

– Ну? Последнее действие!

– Пять на пять? – вяло предположил Глеб.

– Умножай!

– Двадцать пять.

– Да! Двадцать пять мешков корму съедают ослы за три дня. Все, свободен!

Глеб хмуро начал складывать вещи в мешок, искоса поглядывая на учителя.

После того случая в школе разразился страшный скандал. Глебу был объявлен месячный бойкот. В полный рост встал вопрос об исключении из пионеров.

– То есть, Константин Алексеевич не дал тебе сбежать из дому, и за это ты решил его покалечить?! – орала директриса так, что в окне гудели стекла. – Дикарь ты первобытный! А ну сюда смотри! Да по таким, как ты колония плачет! Геро-ем стать решил, на фронт захотел – вы только полюбуйтесь! Наш милиционер, товарищ лейтенант – вот он герой! В одиночку с бандой дрался, память потерял! Ну ничего, ничего,

голубчик! Не научила мамка, научит палка!

В конце концов, Глеб трижды извинился перед учителем, который принял извинения весьма благосклонно (произошедший распад личности явно пошел ему на пользу).

– До свидания, – буркнул Глеб, направляясь к двери.

– Да, да... Эй!

Глеб остановился.

Уголок рта Константина Алексеевича коварно пополз вверх. Он сощурился и многозначительно поднес к губам палец.

– А ну вас!

– Не вас, а меня. Больше никакого “мы”!

– Ну... поздравляю!

– Ладно, беги!

Глеб хмыкнул и, надев шапку, вышел из класса.

– Ассенизатор будущий!